

на другую же ночь забралась къ старикамъ въ курятникъ и украла еще курочку; потомъ еще да еще. Дивится старикъ: что за притча, каждое утро одной курочки у него въ курятникѣ нѣтъ. Вотъ разъ проснулся онъ раннимъ-рано, вышелъ подъ утро на дворъ, глядь,—а Лиса, съ курочкой въ зубахъ, изъ курятника вышмыгнула, да въ лѣсъ. «Ну, ладно, кума,—говорить старикъ,—попадешься мнѣ, не помилюю я тебя за твое воровство!»

За что Медвѣдь, Волкъ, Лиса и Слѣпень на
мужика разсердились.

Вѣхалъ разъ старикъ въ лѣсъ за дровами. Только вѣхалъ онъ въ лѣсъ, а навстрѣчу ему идетъ большущій Медвѣдь. Поздоровались. Хочется Медвѣдю старикову лошадь съѣсть, вотъ онъ и давай исподволь разговоръ со старикомъ заводить. Посмотрѣлъ Медвѣдь на старикову пѣгую лошадь и говоритъ: «Какая у тебя, мужичекъ, лошадь славная: ишь, рябенъкая вся. Кто это ее пятналъ?»—«Это, Миша, я самъ ее выпестрилъ.»—«Да развѣ ты умѣешь пѣжить!»—«Я-то? Первый мастакъ. Хочешь, тебя еще пестрѣе моей лошади сдѣлаю?»—«Ладно, — говоритъ Медвѣдь, — дѣлай; только смотри: коли не выпестришь, я твою лошадь съѣмъ.» Ударили по рукамъ. «Надо тебя, Миша, — говоритъ старикъ, — увязать получше, а то, пожалуй, не удержишь, какъ стану пѣжить.» Медвѣдь согласился. «Погоди, — думаетъ мужикъ, — я тебя спеленаю, забудешь, какъ на мою лошадь зариться.» Взялъ вожжи, веревки, да такъ скрутилъ Медвѣдя, что тотъ началъ на весь лѣсъ ревѣть: «Отпусти,

мужичокъ, я ужъ не хочу пѣгимъ быть! Пожалуйста отпусти!» — «Нѣтъ, врешь! Самъ напросился: такъ тому и быть.» Нарубилъ мужикъ дровъ, разжогъ костеръ, да и положилъ въ огонь топоръ. Какъ топоръ докрасна накалился, мужикъ вытащилъ его — и давай Медвѣдя пѣжить, — такъ и зашипѣло! Заревѣлъ Медвѣдь, понатужился, перервалъ всѣ веревки, и ударился бѣжать по лѣсу во всѣ лопатки, — только лѣсъ трещить. Бѣжалъ, бѣжалъ, изъ силъ выбился; хочеть лечь — нельзя: вся шкура выжжена, — какъ зареветь: «Ну, попадись мнѣ, мужикъ, въ лапы: будешь меня помнить!»

нивье въ то время поспѣло. На другой день пошла старуха въ полѣ жать, а старикъ повелъ въ стадо новую овцу. Идетъ съ овцою перелѣскомъ, — вдругъ навстрѣчу ему Волкъ: «Здорово, дѣдушка! Куда овцу-то ведешь?» — «Да вотъ, новую купилъ, такъ надо самому въ стадо отвести.» — «Эхъ, дѣдушка; какъ же это ты покупалъ овцу да не доглядѣлъ: вѣдь на ней тулупъ-то мой.» — «Ну вотъ, твой. Врешь, небось, Евстифеюшка?» — А Волка-то Евстифейкой звали. — «Мой тулупъ, хоть подь присягу пойду. Подавай его мнѣ, а то и тебѣ не сдобровать.» — Поглядѣлъ старикъ кругомъ, видитъ: въ кусту волчій капканъ стоитъ, настороженъ. — «Такъ подь присягу пойдешь? — говоритъ. — Ну, цѣлуй присягу, твое счастье.» Подвелъ Волка къ капкану. Волкъ сунулъ носъ въ капканъ, — тотъ какъ хлопнетъ и защемилъ ему морду. А старикъ отвелъ овцу въ стадо и пошелъ на жнивье къ старухѣ.

Въ то время бродила голодная Лиса по полю, искала, чѣмъ бы поживиться. Такъ ей туго пришлось, что ужъ не до стариковыхъ курочекъ: хоть бы мышъ какая попалась, и той рада. Глядь, — старуха рожъ жнетъ, а кополка съ хлѣбомъ да кувшинъ съ молокомъ въ сторонкѣ стоятъ. Подобралась Лиса къ хлѣбу, съѣла его; потомъ къ кувшину, всунула въ него голову, выпила молоко, — а назадъ-то головы и не вытащить. Ходить по жнивью, головой мотаеть, да приговариваетъ: «Ну, кувшинъ, пошутиль да и будетъ!... Ну, полно баловать, отпусти меня! Кувшинушка, голубчикъ, полно тебѣ дурачиться: поигралъ да и будетъ!» — А сама все головой мотаеть. Тутъ, на лисицину бѣду,

какъ разъ старикъ подошелъ. Увидаль Лису, схватилъ полѣно, да какъ хватить ее по ногамъ. Лиса—въ сторону, да головой прямо объ камень, и кувшинъ въ мелкіе дребезги разбила. Глядь, — а за ней старикъ съ полѣномъ гонится. Какъ прибавить Лиса рыси! Даромъ, что на трехъ ногахъ, а съ собаками за ней не уго- нишься,—и скрылась въ лѣсу.

— Что, будешь меня помнить, Лиса?—говорить мужикъ, и сталъ на возъ снопы накладывать. Вдругъ, откуда ни возьмись, Слѣпень, сѣлъ мужику на шею и больно его укусилъ. Мужикъ схватился за шею, поймалъ Слѣпня и говоритъ: «Что мнѣ съ тобою, аспидомъ, дѣлать? Да ладно, постой, будешь меня помнить!» Взялъ мужикъ соломину и привязалъ ее къ Слѣпню. «Лети теперь, какъ знаешь!» Полетѣлъ бѣдный Слѣпень и соломину за собой тащить. «Ну,—думаетъ,—въ хорошихъ рукахъ я побывалъ! Отроду не таскивалъ такой ноши!» Летѣлъ онъ, летѣлъ, кое какъ дотянулъ до лѣсу, и совсѣмъ ужъ изъ силъ выбился. Захотѣлъ сѣсть на дерево отдохнуть; думалъ повыше подняться, — а соломина его книзу тянетъ. Бился-бился, насили кое какъ присѣлъ, запыхался, и такъ тяжело началъ дышать, что даже дерево зашаталось.

А подъ деревомъ-то лежалъ тотъ самый Медвѣдь, котораго старикъ выпѣжилъ. Лежитъ онъ, шкуру свою обожженную зализываетъ,

вдругъ дерево шибко зашаталось. Испугался Медвѣдь, глянулъ вверхъ, а на деревѣ сидитъ Слѣпень. «Эй, братецъ, — кричитъ Медвѣдь, — слѣзай внизъ, сдѣлай милость. А то такъ, пожалуй, дерево повалишь». Послушался Слѣпень и слетѣлъ внизъ. Медвѣдь посмотрѣлъ на него и спрашиваетъ: «Кто это, братъ, тебѣ соломину-то привязалъ?» А Слѣпень на него глядитъ и говоритъ: «Мнѣ-то—мужикъ; а тебя кто это такъ обработалъ? Ишь у тебя гдѣ шерсть, а гдѣ голое мясо.» — «Эхъ, братъ Слѣпень, и меня этотъ самый мужикъ употчивалъ.»

Разговариваютъ они такъ, глядь — плетется сѣрый Волкъ Евстифейка, вся морда у него въ крови, уши оборваны, — это онъ изъ капкана кое-какъ вырвался, — а за нимъ скачетъ на трехъ ногахъ Лиса. Сошлись всѣ вмѣстѣ и давай другъ-другу всякій свою бѣду рассказывать. Выходитъ, что всѣ они вовсе безвинно отъ мужика потерпѣли.

И порѣшили они забраться какъ-нибудь къ мужику ночью и погубить его.

